

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ И СТАТУСЕ ПЕРВЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ СТУДЕНТОВ В ПЕТЕРБУРГЕ (1725–1732 гг.)*

Т. В. КОСТИНА

Статья посвящена изучению практических последствий заложенной в «Проекте [положения об учреждении Академии наук и художеств]» (1724) омонимичности понятия «студент». В работе впервые проводится разграничение двух разных групп лиц, существовавших в 1725–1732 гг. в Академии и именуемых в документах «студентами»: слушателей лекций в Академическом университете и младших сотрудников Академии наук. С помощью опубликованных и архивных источников составлен список из 50 студентов-слушателей. Изучены критерии формирования этой группы в рассматриваемый период. Исследованы таблицы о выплате жалования сотрудникам Академии за 1724–1734 гг., штат Академии за 1730 г. и проект штата за 1731 г., из которых следует, что только 15 лиц из сотрудников назывались в них студентами до 1729 г., когда такая практика была прекращена. Студенты вновь появляются в штатах Академии в 1735 г., но уже в измененном статусе. Таким образом, устанавливается, что в первые годы существования Академии круг слушателей профессорских лекций был шире, чем круг сотрудников Академии, и не совпадал с ним. Однако часть сотрудников Академии вместе со слушателями повышала свой уровень образования в университете, что соответствовало формулировке «Проекта...». В приложениях к статье публикуются: список студентов, прослушавших университетские курсы лекций при Академии наук в 1725–1732 гг.; список сотрудников Академии наук, названных студентами при получении жалования в 1724–1729 гг.

Проблема статуса академических студентов получила рождение одновременно с самой Академией наук. Как известно, Академия наук и художеств долгое время не имела утвержденного регламента и штата. «Проект [положения об учреждении Академии наук и художеств]», рассмотренный 22 января 1724 г. на заседании Сената, до 1747 г. был основным документом, которым руководствовались в своей деятельности академики. Согласно «Проекту», от профессоров Академии, наряду с научной деятельностью, требовалось, чтобы они: 1) «младых людей (ежели которые из оных угодны будут) публично обучали» (слова «младых людей» были зачеркнуты, и рукой Петра I написано над ними «студентов», после чего также

---

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14–18–00010.

зачеркнуто) и 2) имели «некоторых людей при себе... которые бы младых людей первым рудиментам (основательствам) всех наук паки обучать могли»¹.

Текст первого пункта ясно показывает: создатели Академии опасались, что подходящих для нее студентов в России может не найтись. Тем не менее для них учреждались публичные курсы. Ниже «Проект» прояснял положение «некоторых людей», упомянутых под вторым пунктом. Это должны были быть приписанные к академикам «по одному или по два человека из младых студентов»², знающие основы наук («которые гуманиора отчасти знают и некоторое малое искусство философии и математики имеют») и получающие «довольное» жалованье. В их обязанности входило слушать лекции в университете при Академии, помогать академикам и «под их дирекцию» обучаться, а также преподавать в Гимназии («тех, которые учиться начинают, первым фундаментам наук обучать, дабы и те со временем учениями академическими пользоваться могли»). В случае, «ежели себя хорошо ведут и некоторые пробы искусства своего объявят», они должны были наследовать кафедры своих учителей³. Проект в общем-то довольно ясно разделяет эти две группы лиц, обязывая, впрочем, вторых, помимо преподавания в Гимназии, слушать лекции в университете, т. е. присоединяться к первым для повышения своей квалификации.

Показанная омонимичность слова «студент», его применение к разным группам лиц⁴ представляет одну из сложных проблем генезиса европейских форм высшего образования в России. Вполне естественно, что заложенная в «Проекте» правовая коллизия и ее применение на практике не раз привлекали внимание исследователей. Помимо обзорной работы Д. А. Толстого, написанной в 1885 г., еще до выхода в свет «Материалов для истории Императорской Академии наук» (Т. 1–10. СПб., 1885–1900), первым студентам уделено внимание в монографии Е. С. Кулябко, в работе Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина, им посвящена статья Ю. Х. Копелевич⁵.

В последней аккуратно прописаны особенности употребления слова «студент» в петровском «Проекте». Но, констатировав «запутанность взгляда на то, кого следует считать студентами», Копелевич, как и другие исследователи, не пыталась сопоставить разные списки студентов, что позволило бы отграничить сотрудников Академии и слушателей лекций⁶. Как следствие, в историографии

¹ Уставы Российской Академии наук. 1724–2009. М., 2009. С. 48.

² Слово «студентов» написано вместо зачеркнутого «людей».

³ Уставы Российской Академии наук. 1724–2009. С. 54. Не принятый, но исполнявшийся «Регламент» Екатерины I уточнял, что студенты должны были заниматься преподаванием в Гимназии, а профессора не могли учить их в эти часы (см.: Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1885. Т. 1: 1716–1730. С. 318).

⁴ Сначала к сотрудникам Академии наук и вольнослушателям, а спустя относительно долгое время также к студентам в традиционном понимании слова.

⁵ Толстой Д. А. Академический университет в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук. СПб., 1885. С. 4–9; Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962. С. 33–37; Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу. Л., 1988. С. 43–44; Копелевич Ю. Х. Первые академические студенты // ВИЕТ. 1996. № 2. С. 4–15.

⁶ См.: Копелевич. Первые академические студенты. С. 7

продолжает бытовать мнение, что круг студентов ограничивался сотрудниками Академии, получающими жалованье⁷.

Помимо омонимичности понятия, проблему осложняет недостаток источников, способных дать нам полное представление о численности студентов. В отличие от Академической гимназии, где поступающих детей вносили в Генеральный список учеников и *Index Discipulorum*⁸, студенты, которые ходили на курсы, читаемые в Академии наук, не фиксировались. В связи с этим полную их численность мы, возможно, никогда уже не узнаем. После того как академики столкнулись с необходимостью отчитаться перед Сенатом за свою преподавательскую деятельность, в 1734 г. обсуждалась необходимость введения матрикул, однако они так и не были введены⁹.

Тем не менее должна быть поставлена задача восстановления максимально возможного списка студентов Академии, сделанная на основе опубликованных и неопубликованных источников. Промежуточные итоги такого исследования публикуются в данной статье. Ее цель: сопоставить список уже найденных студентов с персональным составом младших сотрудников Академии, также фигурирующих в текущих документах Академии под названием «студенты», что позволит разобраться в особенностях статуса как первых, так и последних.

В вопросе о критериях отнесения к студентам-слушателям мы вынуждены в определенной степени идти за источниками, используя их трактовку того, кого считали студентами в Академии. К ним относили всех, кто слушал хотя бы один курс высших наук, что подразумевало возможность понимать лекции, читаемые на латыни (не владевших этим языком отсылали в Гимназию для усвоения и совершенствования), а также наличие базовых знаний предмета¹⁰.

До сих пор в историографии в качестве списка студентов 1725–1733 гг. публикуется «Реестр студентам», введенный в научный оборот Е. С. Кулябко¹¹. Он действительно является основным, все еще не исчерпавшим эвристический потенциал источником по теме. Документ дошел до нас в составе следственного дела И. Д. Шумахера 1743 г. При этом создание источника, с которого была сделана копия, относится, по-видимому, к последней трети 1732 — первой половине 1733 г. Хотя список до сих пор относили к 1733 г., вернее будет датировать его

⁷ См.: Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 208–209.

⁸ Списки учеников Академической гимназии до 1750 г. опубликованы погодно в «Материалах для истории Императорской академии наук» (Т. 1–10. СПб., 1885–1900). Они являются частями обширного, но неполного списка гимназистов, однако его критика не является предметом рассмотрения данной статьи.

⁹ См.: Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII — начале XIX в. Л., 1988. С. 46–48.

¹⁰ Этот тезис подтверждается изучением биографий студентов, выходящим за рамки данной статьи.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 791. Л. 63–66 об. Публикация, выполненная Е. С. Кулябко, содержит несколько значимых ошибок: фамилия студента Вох прочитана ею как Воль, а неизвестные составители документа имени и отчества студентов Овенса и Ланге, обозначенные им в подлиннике литерами «N.N.», переданы в публикации как первый инициал имени (см.: Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962. С. 33).

закрытие последней третью 1732 г. За Реестром студентов в документах следует список гимназистов, затем оба списка объединены в отчете. Список гимназистов обрывается датой 30 сентября 1732 г. Это последний день 1732 г., когда дети вносились в Генеральный список учеников (следующая запись датируется 7 января 1733 г.)¹². В конце 1732 — начале 1733 г. Академия наук отчитывалась перед Сенатом за свою учебную деятельность в связи с перерасходом средств и задержками в выплате жалования сотрудникам¹³. По-видимому, в связи с этим руководством Академии и был составлен «Реестр студентам».

Всего в нем перечислены 38 юношей, дана краткая биографическая информация о них, приведены курсы прослушанных лекций. Реестр, однако, являлся не единственным отчетом Академии о студентах, представленным в этот период. Одновременно с администрацией каждый из профессоров, находившихся на тот момент на службе в Академии, давал показания о своей деятельности при ней. Еще в середине XIX в. они были изданы под названием «Оправдание Президента Академии, Л. Блюментроста пред Правительствующим Сенатом в январе 1733 года» в «Ученых записках Императорской Академии наук по первому и третьему отделениям», а после переизданы в «Материалах для истории Императорской Академии наук»¹⁴.

Несмотря на то что этот документ давно введен в научный оборот, фамилии упомянутых в нем 38 студентов не сопоставлялись с Реестром студентов. Выполняв это, мы обнаруживаем, что в перечислении студентов эти два источника совпадают только на 79%. Всего в них упомянуто 46 слушателей курсов высших наук, за которых в 1733 г. Академия отчиталась как за обучавшихся в ней студентов.

Но и объединив два списка, мы, конечно, получаем неполный реестр первых слушателей Академического университета. Объяснения профессоров, сделанные ими относительно растянутых на восемь лет событий, содержат немало свидетельств неполноты представленных в них данных. Так, И. Г. Дювернуа на вопрос о том, кого он обучал, назвал в 1732 г. только трех учеников, «умолчая о других, которых имяна... никогда не ведал, також из иностранцев повсягодно многое число лекарей и лекарьских учеников из гошпиталей от флота и из полков при том же присутствовали»¹⁵. И. С. Бекенштейн писал: «Некоторые дети от иноземцев в России рожденные у меня обучались, и оным всем имяна подлинно неупомню же, понеже в чужестранных Академиях профессору имяна учеников своих ретко записывают... Наперво здесь разные чужестранные студенты обретались, из которых большая часть у меня во обучении были; однакож потом... уехали... а в котором году из оных чужестранцев ко мне в учение кто пришел

¹² СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 2. Л. 18; Р. I. Оп. 70. Д. 20. Л. 27; Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1886. Т. 2: 1731–1735. С. 250, 417.

¹³ См.: Оправдание Президента Академии, Л. Блюментроста, пред Правительствующим Сенатом в январе 1733 года // Ученые записки ИАН по первому и третьему отделениям. СПб., 1855. Т. III. С. 672–688.

¹⁴ Там же; Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. С. 194–199, 200–213.

¹⁵ Оправдание Президента Академии... С. 675.

и отбыли, того не упомяну»¹⁶. Можно обвинить профессоров в субъективности, указав на то, что у них имелась мотивация преувеличивать число слушателей в отчете. Однако имеются и объективные данные о неполноте списков.

Из сведений, сообщенных в «Реестре студентов», следует, что Х. Мартини читал до 1728 г. философию, основной курс для начинающих обучение студентов, И. П. Коль читал в 1726 и 1727 гг. древности и риторiku, а Г. Б. Бюльфингер — физику¹⁷. Эти профессора, однако, не давали объяснений Сенату. Коль был отправлен в Гамбург в 1727 г., через два года покинули Россию Мартини и Бюльфингер. Соответственно, о своих слушателях они не отчитались.

Следовательно, мы должны использовать все доступные источники, помогающие установить лакуны в персональном составе студентов-слушателей. Некоторые из них можно привлечь уже сейчас. 27 августа 1727 г. Академия отчиталась, что «при профессорах обретаются» следующие студенты:

1. Филипп Анахин.
2. Иоганн Дитерикус Шилинг, иноземец.
3. Антиох Кантемир, светлейший князь Волоцкий.
4. Василий Яворский.
5. Мельхиор Фридрих Фаренгейд, прусской нации.
6. Готфрид Пашка.
7. Овенс Гольсалиус.
8. Паниота Кондоида, грек.
9. Василий Ададулов.
10. Денис Надорзинский.
11. Петер Александр Фельтин.
12. Мюкс, иноземец¹⁸.

Все перечисленные студенты, за исключением Филиппа Анахина, упомянуты в предыдущих двух списках. Из этого, по моему мнению, следует, что выражение «при профессорах обретаются» использовано в значении проходят обучение, слушают лекции. Анахина, как состоящего в этом списке, также можно причислить к студентам-слушателям. Д. А. Толстой писал об определении 5 февраля 1726 г. Анахина, с иронией предполагая, что «этот Анахин вовсе не был подготовлен к слушанию профессорских лекций, однако он был принят без экзамена»¹⁹. Объяснения о том, почему Анахину не устраивали экзамена, легко найти в его биографии. Филипп Львович Анахин обучался ранее в Славяно-греко-латинской академии. Он был среди тех, кто в 1717 г. по указу Петра I был послан в Амстердам, и позже в Прагу «для науки латинского языка и переводу книг». Проучившись в европейских университетах четыре года, возвратился в 1721 г. в Петербург, где был определен подканцеляристом при Синоде и занимался переводами с латинского языка. Известны его оставшиеся неизданными переводы 1724 г. — «Грамматика французская» и четыре части книги Г. Ю. Це-

¹⁶ Оправдание Президента Академии... С. 680.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 791. Л. 63 об.—66.

¹⁸ Материалы... Т. 1. С. 286.

¹⁹ Толстой. Академический университет в XVIII столетии... С. 5.

заря²⁰. Будучи причислен к Академии наук, Анахин был принят в ее штат переводчиком²¹. В то же время помещение его в список тех, кто «при профессорах обретается» между другими слушателями, свидетельствует в пользу того, что одновременно он повышал свой уровень образования.

Протоколы Академии наук в отношении первых студентов, введенные в научный оборот еще Д. А. Толстым, называют нам имя еще одного студента, отданного для обучения фортификации архитектору Академии К. Ф. Шеслеру, преподававшему также в 1725–1730-е гг. в Академической гимназии разные курсы: арифметику, геометрию, тригонометрию, архитектурные и инженерные науки. Протокол от 30 октября 1731 г. гласил: «По указу Ея Императорского Величества Академии Наук, по слушании присланной государственной военной коллегии их конторы сего сентября 28 дня промемории о определении Новгородской губернии, Псковской провинции, недоросля Дмитрия Яхонтова в Академию для науки, и определено, по силе той промемории, онаго Яхонтова для обучения фортификации при указе отослать к архитектору Шеслеру...»²².

В отношении формы обучения Яхонтов, приписанный к архитектору, ничем не отличался от Андрея Матвеева (Матесена), приписанного к И. Г. Лейтману²³. Такие науки, как оптика и инженерное дело, стояли особняком от общих курсов, читаемых в Академическом университете, поэтому соответствующие ученики изучали все необходимые курсы при одном преподавателе. Хотя они могли преподаваться и в системе средних учебных заведений, уровень обучения им при Академии наук, по-видимому, был выше.

Еще на одного студента 1732 г. указывает нам протокол конференции Академии наук от 22 мая 1732 г., где упомянуто, что указом Сената профессорам Академии приказывалось не отказать в обучении Ивану Сечихину²⁴. Сечихин был учеником геодезии при петербургской торговой таможне. Осенью 1733 г. он был переведен в штат Академии «для обучения вновь наукам» и определен в ней переводчиком. Если верить протоколу, то начать обучение Сечихин должен был в 1732, а не в 1733 г., когда был переведен в штат Академии. В пользу высокого уровня образования Сечихина, достигнутого им к 1734 г., свидетельствует его дальнейшая биография. 11 июня 1734 г. при назначении его в состав экспедиции И. К. Кириллова было решено: «...определить Ивана Сечихина в подпоручики, который в геодезии и математике искусен, и переводчик с французского и немецкого и латинского языков, и потому и того переводчика требовать не будет, а жалованья за труд геодезии и переводов к нынешнему его окладу, которого он получает по сту по пятидесяти рублей, прибавить по сту рублей»²⁵. Сечихин оста-

²⁰ Осипов В. И. Анахин (Анохин) Филипп Львович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: А–И. С. 29.

²¹ Об этом см. ниже.

²² Цит. по: Толстой. Указ. соч. С. 6.

²³ См.: Оправдание Президента Академии... С. 685–686.

²⁴ См.: Протоколы заседаний Конференции Имп. Академии наук с 1725 по 1803 год. СПб., 1897. Т. 1. С. 67.

²⁵ Протоколы... Т. 1. С. 260.

вался переводчиком при Академии до 20 февраля 1742 г., когда был переведен в Кабинет Е. И. В²⁶.

Еще одним документом, в котором мы находим список студентов, обучающихся при Академии, является «Реестр, кто обретаются при Академии ученики в классах, которые учатся без жалованья и где оные живут»²⁷. Документ заканчивается перечислением студентов: «Да которые уже к профессорам ходят в коллегии, а именно: иноземец, купецкого отца сын Фарнгейт содержится на своем коште; иноземец Фелтинг на своем же коште; иноземец же, купецкого отца сын Мекс на своем же коште. Оные живут при Академии: Фелтинг на Шафировом дворе, а Фаренгейт на Строеве дворе в особливых полатах, а Мекс живет с студентом Ададуровым в одной палатке на Шафировом дворе. Экономов сын Фелтинг Кашпер живет при отце своем. Еще же живет при нем хлопчик его Фриц, учится в латинском и в немецком классах». Представляется, что упомянутый Фелтинг Кашпер, или Фельтен Каспар, сын академического эконома и дальний родственник Петера-Александра Фельтена, также может быть на основании этого документа причислен к студентам.

Таким образом, определяющими критериями для нас становятся изучение человеком при Академии той или иной науки (одной или нескольких), относящейся к университетскому курсу, указание на то, что эти лица «при профессорах обретаются»²⁸ или «уже к профессорам ходят в коллегии»²⁹, а не само наименование «студент», встречающееся в источнике. Так, мы не можем без новых источников причислить к студентам Павла Донзора, про которого известно, что 1 ноября 1730 г. он прибыл как студент от философии и медицины из Данцига с целью определиться в службу при Академии наук. Он вполне мог быть в Саксонии студентом на протяжении трех лет, пока пребывал там, это еще не означает, что он был при Академии определен и начал слушать лекции³⁰.

Таким образом, в настоящий момент по предварительным подсчетам мы можем считать студентами Академии наук 50 человек, предполагаемая, что их, вероятнее всего, было больше. Много это или мало для восьмилетней деятельности Академического университета, занятия в котором начались сначала предварительно в 1725 г., а затем официально с середины января 1726 г.? Конечно, эта цифра не делает неверным утверждение Г. Ф. Миллера о том, что «таких, кто записывался в академию в качестве студентов в полном смысле слова, было очень мало»³¹. Но эта цифра и не говорит о том, что мы не можем считать Академический университет радикально отличающимся от университета Московского в первые годы его существования. Для сравнения, по данным А. М. Феофанова, в Московском университете с 1755 по 1761 г. выявлено 110 студентов. При этом

²⁶ См.: Успенский Б. А. Вокруг Третьяковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 164; Материалы. СПб., 1889. Т. 5: 1742–1743. С. 47.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1131. Список обучающихся на свой счет при АН с указанием их местожительства. 1 л. Б/д. Опул.: Костина Т. В. Пространство Академических гимназии и университета: материалы к истории. 1724–1805 гг. // КЛИО. 2013. № 10 (82). С. 7.

²⁸ Материалы... Т. 1. С. 286.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1131. Л. 1; Там же. Оп. 1. Д. 791. Л. 63 об.

³⁰ См.: Материалы... Т. 1. С. 678–679.

³¹ Миллер Г. Ф. Избранные труды / Сост., ст. и примеч. С. С. Илизарова. М., 2006. С. 551.

в 1725 г. в Академическом университете не объявлялось публичных лекций, они читались только для узкого круга лиц, находящихся при Академии. Первое объявление о публичных лекциях было сделано 14 января 1726 г.³² Представляется справедливым сравнивать численность академических студентов до 1732 г. с численностью студентов Московского университета до 1761 г., которая составляла 97 студентов³³. А ведь речь идет о времени на 30 лет позже, когда в России выросло уже целое поколение людей, получивших образование в России в светских учебных заведениях новых типов.

Вернемся к вопросу, насколько эта группа слушателей высших наук соотносится со студентами — сотрудниками Академии. Личный состав ее сотрудников, занимающих должности студентов, восстанавливается по табелям, которые должны были формироваться ежегодно и по третям года для выплаты жалованья, а также по представляемым Академией наук в Канцелярию Сената штатам.

Проблема этого типа источников заключается в том, что в 1728 и 1729 гг. Академия имела большие проблемы с выплатой жалованья, его выдавали частично или не выдавали вовсе. В 1730 г. выплачивались остатки сумм. Тем не менее, просмотрев комплекс лишь частично опубликованных в «Материалах...» таблиц, удалось выявить 15 фамилий, которые фигурируют в табелях 1725—1729 гг. как студенты (см. приложение 2). Оговорюсь, что Анахин и Адодуров названы студентами только в отдельных списках. В большинстве же таблиц они записаны как переводчики. Шванвиц, Крамер, Шеслер и Штирман в части списков числятся по Гимназии, но в табелях за январскую и майскую трети 1726 и 1729 гг. названы студентами.

14 октября 1730 г. канцелярия Сената обратилась в Академию наук за разъяснениями касательно штата Академии. В ответ было заявлено, что «аккуратного штату Академии наук учинить невозможно»³⁴, и описан штат согласно «Проекту»: 13 профессоров, по одному или два студента при них, четыре или больше переводчиков и остальные должности, которые оставались «на волю академии наук». При этом Академия представила наличный штат на 19 октября 1730 и проект на 1731 г. В них, как и в других известных нам штатах за 1730—1732 и 1734 гг., студенты отсутствовали. Имеющиеся при Академии люди, про которых из других источников известно, что они слушали лекции и при этом выполняли разные виды работ при Академии, перечислены фамилиями (Фишер, Крамер, Штирман, Ададулов, Фелтин), с отнесением их к гимназии, переводчикам или книжной палате³⁵.

И только 21 февраля 1735 г. Корф, представляя штат Академии Сенату, отвел отдельный пункт для адъюнктов и студентов, прокомментировав, что «ежели намерение есть, чтоб из природных российских людей, или из таких, которые в России воспитаны, со временем на профессорские места кого произвести: то весьма потребно, чтоб молодые люди добрые надежды профессорам приданы

³² См.: *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 97.

³³ См.: *Феофанов А. М.* Студенты Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX века: Библиографический словарь. М., 2013.

³⁴ Материалы... Т. 1. С. 648.

³⁵ См.: Материалы. Т. 1. С. 649—656; Т. 2. С. 499—504 (То же см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 791. Л. 50 об., 56—62 об.).

и при них адъюнктами определены были; о чем и Петр Великий, блаженной памяти, в своем прожекте особое старание имел»³⁶. Тогда же появилось разделение адъюнктов по классам Академии. При этом в штате появились два адъюнкта — Адодуров (в классе математическом) и Штелин (в классе историческом), получающие по 300 р. в год, и два студента — Фридрих Иоганн Брем и Иоганн Каспар (Иван Иванович) Тауберт. Студентам было назначено по 150 р., и они готовились к научной деятельности без разделения на классы³⁷.

Большинство из студентов-сотрудников прибыли вместе с первыми академиками. Полученное ими ранее образование, как правило, превышало университетский курс. Кончина Петра I сделала «Проект» завершенным и основополагающим документом, которым руководствовались при выплатах жалованья. Поскольку молодым людям, прибывшим с целью завершения своей подготовки к занятию впоследствии профессорских мест, нужно было получать жалованье, то их и записывали первое время студентами. Уже в 1728 г. первые из них были произведены в адъюнкты.

На мой взгляд, статус студентов, появившихся в 1735 г., в полной мере соответствует статусу казенного студента, который получает деньги за то, что учится. В таком случае эти 15 студентов до 1729 г. могут считаться неким исключением, сделанным на первое время в связи со смертью Петра I. Начиная с 1728 г., по мере написания ими научных работ и исполнения других обязанностей при Академии, их производили в адъюнкты. Миллер в своей немецкоязычной «Истории Академии наук» называет их по-французски учениками или эleveами (élèves) и отсылает читателя к опыту Парижской академии наук, где также произошло (в 1716 г.) переименование их в адъюнктов, тогда как ранее «элевсы с этим именем входили в возраст»³⁸.

Из приведенных данных также ясно видно, что принадлежность сотрудника к категории «студент» не приводила сама по себе к тому, что он становился слушателем лекций профессоров, хотя семь из них (В. Е. Ададуров, Ф. Анахин, И. Вейтбрехт, А. Б. Крамер, Г. В. Крафт, Г. Ф. Миллер, Г. Пашке), т.е. меньше половины, посещали лекции. Помимо этих семи сотрудников, по меньшей мере 43 сторонних слушателя посещали Академический университет в первые семь лет его существования.

Численность первых студентов должна оставаться предметом дальнейших исследований. В действительности она, по-видимому, была выше 50 студентов, перечисленных в Приложении 1. Используя цитаты современников, нужно учитывать, что и Миллер в период составления своей «Истории Академии наук», и профессора, которых спрашивали в 1733 г. о тех, кто слушал у них лекции за последние семь лет, воспринимали ситуацию, сложившуюся в Академическом университете, сквозь призму начала 1730-х гг. В это время политический и экономический кризис довел Академию до плачевного состояния: из первого со-

³⁶ Материалы... Т. 2. С. 614.

³⁷ См.: Там же. С. 619.

³⁸ Материалы... СПб., 1980. Т. 6: История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжениями И.-Г. Штриттера. 1725–1743 / Пер. А. А. Костина. С. 15. Другой перевод см.: Миллер. Указ. соч. С. 491.

става академиков многие члены умерли или уехали, а жалование могли не выплачивать в течение всего года, хотя должны были платить по третям. В первые годы существования Академического университета атмосфера в нем была совсем другой, что отражалось и на его привлекательности для студентов. В то же время говорить, что численность студентов была в разы выше, чем публикуемый в приложении список, конечно, не приходится. Это, однако, не должно останавливать исследователей в намерении его пополнить.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Список студентов, прослушавших университетские курсы лекций при Академии наук в 1725–1732 гг.³⁹

1. Адогуров Василий Евдокимович (Ададуров) *I, II*
2. Алзинг [Бенедикт] *I*
3. Анахин Филипп
4. Буцковский [Филипп Вильгельм (Вилим)] *I, II*
5. Вейтбрехт Иозиас *II*
6. Вольф Карл фон *I, II*
7. Вольф Фридрих фон *I, II*
8. Вох (1729 г. в Академической гимназии обучался сын московского кузнеца Христиан Вохе (Woche), возможно родственник) *I, II*
9. Гамильтон, барон [Петр?] *I*
10. Геце [Götz Johann Heinrich?] *I*
11. Горленко Андрей *I*
12. Гросс Христофор *II*
13. Ильинский Иван Иванович *I*
14. Кантемир Антиох Дмитриевич *I, II*
15. Клейнфельд Готфрид (Кленферт, Клейнферт, Клейнфелт) *I*
16. Клейнфельд Мартин *I*
17. Кондоиди Панайота (Павел Захарович) *I, II*
18. Крамер Адольф Бернгард *I, II*
19. Красильников Андрей *II*
20. Крафт Георг Вольфганг *II*
21. Ланге [Иоганн Фридрих] *I, II*
22. Лев *I*
23. Магницкий Иван *I, II*
24. Майер Фридрих Христофор (Мейер) *II*
25. Матесен Андрей (Матвеев) *I, II*

³⁹ В таблицу сведены данные из источников: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 240–244; Материалы... Т. 1. С. 401; Оправдание Президента Академии... С. 681; Erik-Amburger-Datenbank, available at: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=58519> (дата запроса — 03.12.2015); Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. «Реестр студентов» обозначен в списке как I, «Оправдание Президента Академии, Л. Блюментроста, пред Правительствующим Сенатом в январе 1733 года» — как II. Если нет римских цифр, то впервые попали в список.

26. Миллер Герард Фридрих *II*
27. Мюкс [Генрих] (Мекс, Müchs, Meux) *I, II*
28. Надоржинский Денис (Надорзинский, Надаржинский) *I, II*
29. Овенс *I, II*
30. Папельбаум [Карл] *I, II*
31. Пашке Готфрид (Пашен) *I, II*
32. Попов Семен *II*
33. Пост [Иоганн] *I, II*
34. Ремезов Петр [Семенович] *I, II*
35. Ренненкампф Иаков Густав (Яков Густав) *I, II*
36. Ренненкампф Иоганн Дитрих (Ганс Дитрих) *I, II*
37. Сатаров Иван Петрович *I, II*
38. Сатаров Максим Петрович *II*
39. Сечихин Иван
40. Стехман *I, II*
41. Фаренгейт Мельхиор Фридрих (Фаренгейд, Фаренгет) *I, II*
42. Фитингоф Готфрид Петр фон *I, II*
43. Фельген Каспар (Кашпер)
44. Фельген Петр Александр *I, II*
45. Шилинг [Иоганн Дитрих] (Шиллинг Иван Иванович) *I, II*
46. Шнейдер *I, II*
47. Эйхлер Генрих Вольфганг *I, II*
48. Энс Абрахам (Абрам Абрамович) *I, II*
49. Ягужинский Христиан Готфрид Пауль фон *I, II*
50. Яхонтов Дмитрий

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**Список сотрудников Академии наук, названных студентами
при получении жалованья в 1724–1729 гг.⁴⁰**

№	ФИО	Жалованье в год (руб.) ⁴¹	Обязанности при Академии
1	Адодуров Василий Евдокимович	72 (за 1727 и 1728 гг.)	Переводчик, корректор русских слов немецко-русского лексикона
2	Анахин Филипп	72	С 31.01.1726 до 29.04.1729 переводчик
3	Блиде Леопольд Иосиф	200	С 14.01.1726 по июль 1726 преподавал в Гимназии

⁴⁰ В таблицу сведены данные из источников: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–23 об., 28, 33, 34, 98; Д. 5. Л. 261 об.; Д. 791. Л. 12–68; Материалы... Т. 1. С. 140, 145, 173, 189, 273–274, 649–650 и др.; Материалы... Т. 2. С. 49; 499–504; *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1.

⁴¹ В таблице приведено жалованье, которое перечисленные лица получали в период, когда по отношению к ним употреблялось наименование «студент». Естественно, что они зачислялись и отчислялись из штата посреди года, получая при этом неполное жалованье. Однако определение годового их жалованья, в тех случаях, когда источники позволяют это сделать, является одним из маркеров их статуса, поэтому оно подсчитано и указано в таблице.

№	ФИО	Жалованье в год (руб.) ⁴¹	Обязанности при Академии
4	Вейтбрехт Иозиас	200	С 14.01.1726 до неустановленного времени (1727–1728) преподавал в Гимназии
5	Гмелин Филипп	В 1724 г. 150, в 1725–1727 по 200, 1/3 1728 из расчета 250	при Кунсткамере
6	Гроль Матиас Христиан	120	С 14.01.1726 по первую треть 1726 преподавал в Гимназии
7	Крамер Адольф Бернгард	200	С 14.01.1726 до 1729 г.(?) преподавал в Гимназии, с 1729 г. сотрудник газетной экспедиции
8	Крафт Георг Вольфганг	200	С 14.01.1726 до неустановленного времени (1727–1728) преподавал в Гимназии
9	Миллер Герард Фридрих	200	С 14.01.1726 по 6.01.1728 преподавал в Гимназии
10	Ортгизе Генрих Эрнст	200	С 14.01.1726 по 5.08.1726 преподавал в Гимназии
11	Пашке Готфрид	120	Библиотекарь в 1726–1727 гг.
12	Шванвиц Мартын Мартынович	200	Преподавал в Гимназии, с 22.01.1728 был конректором Гимназии
13	Шеслер Карл Фридрих	200	14.01.1726–февраль 1731 преподавал в Гимназии
14	Штирмер Вильгельм Бернгард	200	С 1.06.1727 до 24.06.1735 занимался лексиконом и переводами, преподавал в Гимназии
15	Эстерман Иоганн Георг	120	С 1.09.1726 до 1750 г. и позднее преподавал в Гимназии

Ключевые слова: Академия наук, университет, образование, Россия, XVIII век, студенты, адъюнкты, история понятий.

RANKS OF STUDENTS IN ST. PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1725–1732): QUESTIONING STATUS AND CORPUS

T. KOSTINA

The article studies the practical implications of the homonymity of the term «student» introduced in «the Project of [the Provisions on the Establishment of the Academy of Sciences and Arts]» (1724). The article for the first time distinguishes two different groups existing within the period of 1725–1732 in the Academy and referred to as «students» in

documents: audience of the lectures at the Academic University and junior staff of the Academy of Sciences. From published and archival sources it is possible to reveal the main body of 50 (university) 'students', given the criteria by which within the period in question this group was distinguished. Analyzing the salary tables of the Academy within the period of 1724–1734, the staff structure of the Academy for 1730 and the project of the staff for 1731, it is possible to suggest that only 15 people had been called (research assistant) 'students' before 1729, when that practice was discontinued. Students appear in the staff of the Academy again in 1735, but in a changed status. Thus, it is clear that in the first years of the Academy the students (audience of professorial lectures) were more than the circle of the Academy junior staff (called 'students'). However, part of the Academy staff raised their level of education at the University, auditioning the professor's lectures, which corresponded with articles of the «Project...». Appendices to the article include: 1) list of the students having attended the university courses at the Academy of Sciences within the period of 1725–1732; 2) list of the employees of the Academy of Sciences called students while receiving their salaries within the period of 1724–1729.

Keywords: The Academy of Sciences, university, education, Russia, the 18th century, students, adjuncts, history of concepts.

Список литературы

1. *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.
2. *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977.
3. *Копелевич Ю. Х.* Первые академические студенты // ВИЕТ. 1996. № 2. С. 4–15.
4. *Костина Т. В.* Пространство Академических гимназий и университета: материалы к истории. 1724–1805 гг. // КЛИО. 2013. № 10 (82). С. 6–15.
5. *Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук.* М.; Л., 1962.
6. *Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А.* Отечеству на пользу, а россиянам во славу. Л., 1988.
7. *Материалы для истории Императорской Академии наук.* СПб., 1885–1900. Т. 1–10.
8. *Оправдание Президента Академии, Л. Блюментроста, пред Правительствующим Сенатом в январе 1733 года // Ученые записки ИАН по первому и третьему отделениям.* СПб., 1855. Т. III. С. 672–688
9. *Миллер Г. Ф.* Избранные труды / Сост., ст. и примеч. С.С. Илизарова. М., 2006.
10. *Осипов В. И.* Анахин (Анохин) Филипп Львович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: А–И. С. 29.
11. *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1.
12. *Протоколы заседаний Конференции Имп. Академии наук с 1725 по 1803 год.* СПб., 1897. Т. 1.
13. *Толстой Д. А.* Академический университет в XVIII столетии. СПб., 1885.
14. *Успенский Б. А.* Вокруг Третьяковского: Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008.
15. *Уставы Российской Академии наук. 1724–2009.* М., 2009.
16. *Феофанов А. М.* Студенты Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX века: Библиографический словарь. М., 2013.